

Все несущие элементы верхней части корпуса “Томиоки” были удалены и заменены кристаллическими панелями, которые странным образом преломляли внешний свет сквозь окружающий лёд. Линья промаргивала изображения разноцветных радужных призматических лучей, танцующих на открытых поверхностях. Свет ловил блестящие пылинки и отражался от поляризованных визоров закрытых шлемов кадианцев. Яркость создавала впечатление простора и умиротворения, но она напомнила себе, что это всего лишь иллюзия.

– Поразительно, не так ли? – произнёс отец. – Напоминает великолепные молитвенные соборы изо льда и стекла внутри Аретния Катения.

Скрипучий и искажённый статикой голос Виталия Тихона раздавался из угольно-чёрного серво черепа, который мелькал в воздухе, словно любопытное насекомое. Тень вокруг “Томиоки” делала невозможной обычную орбитальную вокс-связь, поэтому все сообщения между наземными войсками и “Сперанцей” передавались через “Табуларий” на посадочные площадки, прежде чем, наконец, отправиться в космос.

– Похоже, – согласилась Линья, обращаясь к парящему устройству, собранному из удалённых сегментов черепа отца, после того как он решил увеличить голову для дополнительных имплантатов. – Но мы не на Марсе, мы исследуем враждебное окружение древнего сумасшедшего.

– Сумасшедший? Провидец? Часто эти понятия мало отличаются, – заметил Виталий, пока двойной кронциркуль под челюстью быстро делал набросок открывшегося впереди вида.

– Я знаю, и поэтому использовала это определение, говоря о Телоке, – ответила Линья.

– Раньше я, пожалуй, согласился бы с тобой, но это потрясающе, – продолжал Виталий и серво череп устремился вперёд к магосу Азурамаджелли, который поднимался по узкой винтовой лестнице, перестраивая своё механическое тело в более компактную форму. Вопреки ожиданиям Линьи Азурамаджелли преодолевал извилистые отсеки “Томиоки” с относительной лёгкостью, быстро поднимаясь по лестницам благодаря множеству рук и перемещая части мозга в арматуре защитных кожухов.

Учитывая, что Галатея собрала своё тело сама при недостатке материалов, она не могла перестраиваться на ходу, и ей приходилось искать обходные пути, избегая узких коридоров. Линья с радостью отдыхала от неё, но каждый раз, когда они снова встречались с гибридным машинным интеллектом, она задавалась вопросом, как Галатея могла обогнать их. Считалось, что Механикус и кадианцы следовали самым коротким путём, но всякий раз, когда размеры противовзрывных дверей или полых шахт мешали Галатеи идти дальше, она встречала остальных в широком проходе с другой стороны.

Что она делала, пока её не видели?

Линья отбросила подозрения и сосредоточилась на собственных делах, следуя за четырьмя отделениями кадианцев в скафандрах, которые перебежками двигались вверх, пока остальные

группы поднимались по кораблю, обеспечивая взаимное прикрытие. Ещё три отделения защищали их с тыла, и Линья восхитилась эффективностью командования капитана Хокинса, который шёл одним из первых и лично проверял всё необычное.

Каданский боевой жаргон оказался кратким и тактически точным – для вербальной формы общения – с чёткими командами и недвусмысленными значениями. Мысленная связь скитариев была гораздо эффективнее для боевой коммуникации, но требовала черепных имплантатов, которые, как она подозревала, большинство солдат мира-крепости сочтёт неприемлемыми.

Несмотря на мрачные прогнозы Котова их извилистый путь по “Томиоке” не встречал сопротивления ни в виде кристаллических существ ни в виде непроходимой архитектуры. Пока сервошлем отца носился впереди, словно ликующий подросток, она и каданцы поднимались по просторным и похожим на пещеры отсекам “Томиоки” при помощи грузовых лифтов, хаотично прикрепленных к стенам стыковочных захватов, многочисленных лестниц в просторных вертикальных транзитных шахтах и взбирались по наклонным рампам потолочных плит.

Кристаллические панели направляли свет глубоко внутрь корабля, создавая нереальное ощущение открытого пространства, что стало неожиданностью для Линьи, которая обычно считала жизнь на космическом корабле утомительно клаустрофобной, даже на таком огромном, как “Сперанца”.

Она остановилась на импровизированной лестничной площадке, которая выходила на широкое открытое пространство, вероятно раньше представлявшее собой посадочную палубу. Свет заливал всё помещение сквозь ряды открытых стыковочных люков и клубы газообразного тумана. Перепады температуры образовали облака под потолком, и влага капала вниз мерцающим дождём, украшая её капюшон инверсионными следами.

– Не думаю, что нам стоит бездельничать, мисс Тихон, – произнёс каданский солдат, которого, судя по шеврону на наплечнике, звали лейтенант Тайбард Рей. – Чем быстрее мы доставим вас и ваших... друзей на мостик, тем быстрее уберёмся отсюда.

Что-то в манере солдата оказалось мгновенно подкупающим, и Линья улыбнулась под капюшоном. Как и каданцы она была защищена от враждебной окружающей среды, но её технология являлась намного более совершенной: самогенерируемое целостное интегрированное поле и изогнутый черепной купол с мультиспектральным сенсориумом.

– Вам не нравится здесь? – спросила Линья, любясь сверкающим азотным дождём. – Такое зрелище нечасто встретишь. Им стоит наслаждаться.

– Прощу прощения, мисс Тихон, но капитан Хокинс сказал, что мы здесь не на экскурсии. И поверьте, вам не захочется его сердить на задании.

Линья помнила капитана Хокинса по полковому ужину, который она с отцом посетила в

казармах кадианцев. Хокинс показался ей тогда немногословным человеком, хотя он красноречиво произнёс тост за солдат, павших на Бактаре-3.

- Он - строгий офицер? - спросила она.

Рей, похоже, удивил её вопрос:

- Разве они не все такие?

- Полагаю, все, но признаюсь, что встречала всего несколько.

- Ах, он не так уж и плох, - сказал Рей, повесив винтовку на ремень и высунувшись с балкона. - В своё время я служил под командованием множества капитанов и полковников, поэтому, когда встречаешь хорошего, то стараешься его уберечь. Понимаете, мисс, старшие офицеры вечно норовят схлопотать пулю или гранату. Они словно малые дети и им нужны лейтенанты, чтобы спасти от неприятностей.

Явно решив последовать совету Линьи, Рей повернулся и положил сложенные руки на железные перила, любуясь раскинувшимся перед ним великолепным видом:

- Дождь на космическом корабле, - произнёс он, качая головой в шлеме. - Чёрт знает что происходит.

- Да, не думаю, что когда-либо слышала о таком, - согласилась Линья.

- Заставляет кое о чём задуматься, а?

- О чём? - спросила Линья, когда Рей замолчал.

- О том, зачем тащить корабль в такую даль от света Императора и просто разбить его на планете, которая умирает, - ответил Рей, освобождая место для проходившего мимо одного из арьергардных отделений, десять солдат крепко прижимали лазганы к плечам.

- И почему, по-вашему, Телок сделал это?

- Вы меня спрашиваете? - рассмеялся Рей. - Я просто грубоватый, невероятно привлекательный и смелый лейтенант, что я знаю о таких технологиях?

- Не знаю, - сказала Линья, обводя рукой затянутый туманом зал. - Скажите вы.

Рей усмехнулся и постучал по шлему:

- Ну, кто бы это не сделал, у него был план, так? – спросил он. – Я имею в виду, вы не станете пытаться посадить космический корабль на задницу от нечего делать. И так же я полагаю, этот парень Телок знал, что Катен Вениа скоро разрушится, да?

- Вполне разумное предположение, лейтенант Рей.

- Тогда получается, чтобы он ни задумал оно скоро произойдёт, – продолжил Рей, взяв лазган наизготовку. – И чтобы это ни было у меня такое чувство, что этот корабль окажется не самым лучшим местом, когда всё начнётся.

Без подключения к ноосфере командная палуба “Сперанцы” представляла собой холодный стальной овальный зал, где ничто не напоминало мостики боевых кораблей Флота. Серебристо-стальные “пеньки” выступали из палубы, словно недостроенные несущие колонны и несколько ничем ни примечательных тронов располагались явно в случайном порядке.

Но для сервиторов, подключённых к этим вспыхивающим “пенькам”, и персонала Механикус, стоявшего на постах, всё выглядело гораздо оживлённее стерильной стали и оберегаемых деревянных отсеков накрахмаленных капитанов Флота и их подчинённых. Тысячи мерцающих завес света висели в воздухе, словно готовые подняться театральные занавесы. Спиральные дуги насыщенного информацией света струились из загрузочных разъёмов, их последовательно расщепляли инфопризмами, распределяли по всему мостику и обрабатывали.

Магос Таркис Блейлок сидел на командном троне, покинутом архимагосом Котовым. Его чёрные одеяния покрывала вытравленная божественная схема, а риза из цинкового сплава представляла собой фрактальную сложную сеть геометрических рисунков и машинного языка. Под капюшоном мигала зелёная оптика, и потоки охлаждённого пара поднимались от магоса, словно он медленно тлел. Свита низкорослых карликов-сервиторов суежилась вокруг, перестраивая кабели инфотока и регулируя поток поддерживающих жизнь химикатов в биомеханическом теле: сложное соединение белков, аминокислот, благословенных масел и густых питательных смазок.

Как фабрикатус-локум “Сперанцы” он замещал отсутствовавшего архимагоса Котова и наслаждался этим. Абсолютная мощь ковчега Механикус была невообразимой, колоссальное хранилище знаний и истории, для постижения которых духовенству Механикус потребуется тысяча жизней.

Блейлок гордился своей способностью обрабатывать огромные объёмы информации, но даже самого поверхностного знакомства с золотым светом основных духовных механизмов “Сперанцы” оказалось достаточно, чтобы он пришёл к выводу, что проникновение в нейроматрицу грозит катастрофой. Только отчаянная необходимость во время нападения эльдаров заставила архимагоса войти в глубокие слои духа-машины “Сперанцы” и Блейлок так и не смог понять, как Котову удалось получить помощь и выпутаться из невероятно сложной решётки.

Вместе с Виталием Тихоном, сидевшим на соседнем вспомогательном командном троне,

Блейлок занимался операциями всего флота, которые обычно требовали внимания множества адептов Механикус. Инфоток Виталия выдавал его искреннее детское изумление загруженными данными с поверхности, но Блейлок находил что-то странно знакомое в их природе, словно каким-то образом знал о содержимом.

Он отбросил эту мысль и переключил внимание на последний кусочек разделённого разума, который занимался охотой на крепостных, спровоцировавших нарушение работы среди киборгов-сервиторов “Сперанцы”. Каждый из насильно завербованных на Джоуре крепостных имел имплантированный феодальный маячок и в теории должен был быть легко обнаружен.

Но ни старшие магосы, ни постоянные поисковые группы кибермастиффов и армсменов не смогли установить местонахождение крепостных Локка, Койна и Хоука. Как не смогли найти и следы надсмотрщика-изгоя Тота Мю-32 и сервитора, заявившего, что вернул память. Также не смогли предоставить никаких доказательств существования аркофлагелланта, которым, по слухам, обладал крепостной Локк.

Всё выглядело так, словно они просто исчезли.

Что на корабле Механикус, конечно же, было невозможно.

Блейлок оставил часть сознания продолжать поиски и вернулся к управлению “Сперанцей”. Вместе с Виталием они сохраняли положение ковчега над беспокойным полюсом Катен Вениа, обрабатывали полученные с планеты показания топографов, взаимодействовали по манифольдной сети со старшими командирами на поверхности, оптимизировали корабельные операции более трёх миллионов систем и координировали манёвры флота в ожидании катастрофического звёздного события.

Вероятность, что в краткосрочной перспективе Арктур Ультра взорвётся, являясь статистически малой, но темп и ярость реакций в ядре выглядели чрезмерными и не могли считаться обычными. Насколько это возможно Блейлок – при помощи магоса Сайиксека – держал Катен Вениа между флотом и умирающей звездой. Если звезда и в самом деле превратится в сверхновую, планета мало поможет, но это лучше, чем ничего.

+ Так много информации, + произнёс Виталий Тихон по проводной связи. + Чудесно, не так ли? Не часто удаётся увидеть разрушение целой планеты так близко? +

+ Я контролировал протоколы экстерминации на трёх планетах, магос Тихон, + ответил Блейлок. + Я знаю, как протекают подобные события. +

+ Ах, но это природное событие, Таркис. Оно совершенно другое. Конечно, я видел последствия таких событий с орбитальных галерей Кватрии, но мы не скоро забудем, что здесь случится. +

+ Мы вообще это не забудем, + сказал Блейлок, раздражённый поведением Виталия. + Данные

уже записаны, а Механикус...+

+ Никогда ничего не удаляют, + закончил Виталий. + Да, я хорошо знаю эту прописную истину, но присутствовать при подобном событии – совсем другое дело, чтобы вы ни говорили об эмпирической предвзятости. +

+ Есть ли смысл в нашей дискуссии? + спросил Блейлок. + Показания топографов достаточно сложны, не стоит использовать дополнительную возможность обработки на межличностную дискуссию. +

Виталий кивнул. + Да, объём и сложность того, что я вижу совершенно...+

Почтенный магос замолчал, когда запущенная на заднем фоне симуляция, наконец, завершилась, объединившись в яркую сферу сверкающей информации. Его руки с множеством пальцев проникли в сферу, но Блейлок не счёл нужным загружать данные побочного эксперимента, который проводил звёздный картограф.

+ Таркис, вы знаете, что от “Томиоки” и расположенной над ней диссонирующей геостационарной области мёртвого космоса исходят электромагнитные разряды? +

+ Я уже зарегистрировал оба этих момента, да. +

+ И чем, по-вашему, они являются? +

Блейлок поднял водопад отбракованных мусорных данных ауспика и начал просеивать их тактильными движениями рук, пропуская информацию сквозь множество фильтров.

+ Всего лишь не имеющими значения побочными продуктами хаотических атмосферных систем, которые пересекаются с нестабильным электромагнитным излучением из ядра планеты. Они вероятно уже включены в фоновое излучение. +

+ Вы абсолютно ошибаетесь, Таркис. +

Инфоток Блейлока вырос в раздражении, которое он не потрудился скрыть:

+ Я редко ошибаюсь, магос Тихон. +

+ Редко не значит никогда, посмотрите снова, + сказал Виталий, перенаправляя набор экстраполяций и теоретических интерпретаций, сделанных на основании полученных топографом данных, к трону Блейлока.

Блейлок осмыслил полученную информацию, сверился с накопившимися данными топографа и быстро прокрутил их к текущему моменту. Сколь абсурдными бы ни казались выводы Виталия, было трудно поспорить с их неизбежной логикой.

+ Вы уверены? + спросил он.

+ Достаточно для того, чтобы знать, что мы должны эвакуироваться с планеты. +

+ Разумеется, + согласился Блейлок. + Когда он достигнет нас? +

+ По самым точным подсчётам через два часа пятьдесят четыре минуты. +

+ Аве Деус Механикус! + произнёс Блейлок, направив поток бинарных приказов по ноосфере, манифольду и вокс-сетям. + Свяжитесь с Криптаэстрексом, пусть он приготовит все десантные корабли для немедленного взлёта. Вывозите всех с планеты. Немедленно! +

Пространство, некогда являвшееся инжиниумом “Томиоки”, давно принесли в жертву для другой цели. Лифт фуникулёра опускался под углом глубоко в коренные породы планеты, они быстро миновали стальные стены и следовали сквозь слои эпох геологических изменений. Когда лифт, наконец, остановился, сразу же стало ясно, что соборы машинных отделений во много раз увеличили при помощи простого, но целесообразного бурения скал во всех направлениях.

Созданная под “Томиокой” огромная пещера простиралась далеко за пределы корабля, но нельзя было сказать насколько именно далеко, потому что пространство едва освещалось тусклым зелёным светом. Было очень жарко, воздух заволокло маревом из-за пара и жара, исходивших от множества расположенных вдоль стен механизмов.

Бесчисленные светящиеся зелёные кабели тянулись по стенам, переплетаясь, словно гнёзда змей и пульсируя в гипнотическом ритме. Десятки тысяч протянулись от ближайших машин, ещё многие тысячи от другого оборудования по периметру огромной пещеры. Запутанные кабели сходились в одной далёкой точке, где в полумраке сиял танцующий свет.

- Что это за место? - спросил Танна.

- Не знаю, - ответил Котов, направляясь за авангардом скитариев в центр пещеры. - Но какие бы у Телока не были планы на этот корабль здесь их центр.

- Похоже на дело рук ксеносов, - сказал Танна и Котов вынужден был согласиться.

- Не исключено, что кристаллические технологии Телока соединились с технологией ксеносов, - предположил Дахан. - Возможно, именно благодаря им он, наконец, заставил их работать?

- Это, конечно, вполне возможно, - признал Котов.

Танна поднял кулак, и космические десантники опустились на колени, целясь из оружия.

Дахан мгновенно оказался рядом с ним.

- В чём дело, сержант?

- Впереди боевые роботы, - ответил Танна. - Они не двигаются, но посмотрите на их грудные клетки. С ними что-то не так.

Механикус направились за Чёрными Храмовниками, и Котов увидел, что Танна абсолютно прав.

Манипула неподвижных боевых роботов "Завоеватель" в пыльной сине-красной броне стояла шеренгой, словно ожидая дисков с приказами. Их головы, не видя, уставились в пол, а руки с оружием безвольно свисали вдоль корпусов. Котов насчитал пять роботов, каждый четыре метра высотой, жестокие и угловатые с проржавевшими аблативными наплечниками.

Во всём, кроме одного, они казались всего лишь реликвиями старой войны.

В грудной клетке каждого робота, где Котов ожидал обнаружить источник питания, находились искусно переплетённые кристаллические нити, напоминавшие изящное выдувное стекло.

- Это такие же кристаллические существа, с которыми мы сражались наверху, - заявил мгновенно ставший агрессивным Танна.

Котов поднял механическую руку. - Спокойнее, сержант. Эти машины неактивны сотни, возможно тысячи лет.

- Меня это не успокаивает, - ответил Танна, махнув своим воинам. - Уничтожьте кристаллы.

- Остановитесь! - закричал Котов. - Я не могу позволить вам просто взять и уничтожить марсианскую собственность.

- А я не могу оставить потенциальную угрозу на пути отступления.

- Сержант Танна, - произнёс Котов, встав между высоким воином и боевым роботом. - Мы проделали весь этот путь не для того, чтобы по-варварски разрушить первую же технологию, которую, пока не понимаем. Разве не ради новых открытий мы пришли сюда?

- Это вы пришли сюда ради новых открытий, архимагос. Мы пришли исполнить долг. Я думал, вы поняли это.

Котов покачал головой и прикоснулся к руке ближайшего робота. Ржавчина отвалилась, и кусочки изъеденного металла полетели на пол. - Это - артефакты Механикус, осквернить их - преступление перед Омниссией.

- Эти кристаллы - не принадлежат Механикус, - сказал Дахан, встав рядом с Танной. - Эти кристаллы - ксенотехнология, а инопланетные механизмы - извращение Истинного пути. Вот, что вы собираетесь уничтожить, не так ли, сержант?

Космический десантник кивнул, и неслышный приказ прошёл между ним и воинами.

Хотя Котов был не доволен таким бессмысленным разрушением, он знал, что у него нет выбора, кроме как смириться с тактическим решением Чёрных Храмовников. Танна просунул кулак сквозь решётку в груди ближайшего робота, и кристаллическая сеть рассыпалась в порошок. Через несколько секунд в грудной клетке робота не осталось кристаллов, и этот акт разрушения стал для Котова ножом в сердце.

Дахан опустился на колени рядом с одним из роботов, под ногой которого лежал клочок старой ткани. Он поднял его деактивированными зубцами скарификаторов, пыль падала из складок, словно пепел древнего привидения.

- Что это? - спросил Котов.

- Какая-то одежда, - ответил Дахан.

- Механикус?

Дахан покачал головой, когда нити начали изнашиваться и распадаться:

- Слишком маленькая.

Обрывки ткани упали на пол, теперь от неё остались всего лишь грубо сотканые нитки, которые исчезали и гнили прямо на глазах.

- Там ещё, - сказал Танна, двигаясь между роботами. Космический десантник опустился на колени рядом с другой мантией, под которой виднелась какая-то фигура. Не больше маленького ребёнка она была обмотана такими же тряпками, но когда Танна дотронулся до неё, мантия потеряла форму и клубы пыли поднялись на её краях, когда распадалось то, что она скрывала.

Что-то замерцало под тряпками, и Танна потянулся сквозь пыль, подбирая предмет.

- Что там, сержант? – спросил Котов.

- Не уверен, какой-то механизм.

Танна встал и протянул находку Котову. Проржавевший и изъеденный временем кусочек изогнутого металла напоминал кремнёвый замок какого-то примитивного порохового оружия. Танна держал металлическую находку на ладони, но прежде чем Котов успел изучить её получше, она рассыпалась в порошок.

- Ускоренный распад, возможно, является побочным эффектом гибели планеты, – предположил Дахан.

- Возможно, – согласился Котов, направляясь вглубь пещеры. – Но думаю, эту тайну стоит оставить на будущее.

Миновав древних роботов и гнилые клочки ткани, Котов продолжил путь, замечая справа и слева в тенях новые группы ржавых боевых роботов. Скоро стало ясно, что центр пещеры находится прямо под “Томиокой”, потому что потолок из обнажённой скалы превратился в поперечно-рассечённый выпотрошенный космический корабль.

Элементы конструкции корпуса в десятки метров толщиной стояли, словно огромные столбы у входа в темплум, Котову удалось мельком увидеть за этой неплотной преградой широкую круглую пропасть, выкопанную у основания корабля. По крайней мере, пятьсот метров в диаметре, края пропасти отмечали сотни тысяч тускло мерцавших кабелей, уходивших в её глубины. Он увидел нечто похожее на огромную призму данных, свисавшую с потолка, образованного “Томиокой”, и напоминавшее гигантский наконечник копья, вырезанный из куска льда.

Но всё внимание Котова сконцентрировалось на мерцающей сфере, установленной точно над центром шахты.

Шар зеленоватого огня висел в воздухе, словно изумрудное солнце, пойманное в невидимое силовое поле. Его поверхность покрывала рябь сверкающих энергетических линий, как если бы он был создан из вязких жидкостей, перемешанных внутренними потоками. Сенсориум Котова оказался не в состоянии измерить размеры, массу или плотность объекта и если бы он не видел его собственной оптикой, то так бы и не узнал, что он вообще существует.

- Что это? – спросил Танна.

- Какой-то реактор? – предположил Дахан.

- Возможно, - ответил Котов, перепроверяя пассивные ауспики бронированного тела. Что бы это ни было, оно оказалось за пределами способности измерений архимагоса и те показания, которые он получал, бессмысленно колебались, словно объект постоянно переходил из одного состояния в другое. Хронометры не показывали ничего, как если бы оказались внутри временного нуля стазисного пузыря.

Котов отвёл взгляд от атомного зелёного огня и посмотрел в бездонную пропасть, пока Дахан рассредоточивал скитариев вокруг этой части шахты. Он не обнаружил никаких обычных механизмов для спуска, но решил, что это к лучшему, испытал странное чувство, что за ним наблюдают из глубины.

- Что бы это ни было, ясно, что Телок не собирался в будущем использовать корабль для полётов, - произнёс Котов, присев опасно близко к краю пропасти. - Двигатели полностью демонтированы.

- Зачем Телок сделал это? - спросил Танна.

Котову нечего было ответить, он отодвинулся от бездонной пропасти, и в этот момент видимая окружность мерцающей зелёной сферы внезапно расширилась, за долю секунды увеличив диаметр в два раза. Потоки внутри неизвестной структуры ускорились, и резкий яркий свет залил пещеру.

- Что происходит, архимагос? - спросил Танна, отходя от объекта.

Котов не обладал достоверными фактами, подходящими для ответа, но могло быть только одно возможное объяснение.

- Что бы Телок не планировал насчёт "Томиоки". Оно началось.

Дух-машина в сердце "Томиоки" оказался вялым и враждебным к запросам Линьи, но она не могла винить такую почтенную машину в плохой реакции на неизвестное присутствие в нейроматрице, после столь долгого бездействия. Они добрались до мостика, который оказался точно там, где ожидалось и кадианцы капитана Хокинса без происшествий оцепили помещение. Линью удивило, как мало на первый взгляд мостик изменился в сравнении с остальным кораблём, хотя он, разумеется, оказался повернут на девяносто градусов.

Сервиторы сидели пристёгнутыми за своими постами, боевые роботы по-прежнему располагались в закрытых на магнитные замки защитных нишах и если бы не толстый слой пыли на многочисленных поверхностях, то всё выглядело так, словно команда может вернуться в любой момент.

Пока Азурамаджелли и сервочереп отца пытались получить доступ к бортовому журналу, Галатея прохаживалась по тем местам мостика, куда могла пройти. Линья же искала загрузочный разъём, до которого могла добраться, и который оказался бы совместимым с

причудливым архаичным интерфейсом аугметики её ладони. Если из инфоядра корабля и можно спасти какие-нибудь данные, то она доберётся до них.

Поразительно, но когитаторы корабля и логические машины всё ещё функционировали, охраняемые слабым дремлющим духом, который покоился в глубоких уровнях когитации. Связь с инфомашинами осуществлялась с помощью простых протоколов Механикус, но ей придётся проникнуть глубоко, чтобы найти что-то ценное.

Линья закрыла глаза, позволив функциональному сознанию погрузиться в инфосферу “Томиоки”, отмечая многочисленные блокирующие экраны и агрессивное выстраивание алгоритмов защиты против её длительного контакта. Она проверила их целостность аккуратными исследовательскими запросами, и все они были отклонены.

– Что и следовало ожидать, – произнесла она, вытряхнув бинарную мантру из левой руки.

Она попробовала более прямой подход, формируя вопрос с агрессивными символами своего звания и протоколами запроса. Инфомашина в очередной раз отклонила попытку и направила болезненный импульс биообратной связи в руку Линья. Слишком слабо, чтобы ранить, но вполне достаточно, чтобы напомнить, что она не имеет прав доступа к данным корабля.

Защиты духа-машины сопротивлялись каждой попытке проникновения, пока она не зарегистрировала загруженные кодовые алгоритмы взлома с ноосферными пометками магоса Блейлока. Линья не помнила, когда их загрузила, но не могла отрицать, что они оказались весьма кстати.

Она открыла загруженный пакет данных и тихо выдохнула от геометрической сложности алгоритмов. Таркис Блейлок был не самым приятным техножрецом, но его понимание гексаматических вычислений и статистического анализа являлось непревзойдённым. Это было похоже на самую прекрасную бинарную отмычку, которую она когда-либо видела. Как гончая на охоте алгоритм дешифровки легко вцепился в инфосферу “Томиоки” и системы безопасности инфожурналов исчезли, словно туман от урагана.

И почти сразу же Линья поняла, что совершила ошибку.

Её захлестнуло цунами звёздной информации, и она закричала от ужаса, когда бесчисленные данные за долю секунды перегрузили пропускную способность мозга. Она попыталась оторваться от потока информации, но как и жертва электрошока обнаружила, что не может отпустить то, что убивает её. Многочисленные черепные имплантаты выходили из строя один за другим, и Линья забилась в конвульсиях, когда биоэлектрическая обратная связь выпарила тысячи синаптических соединений архитектуры мозга.

В момент, когда поток данных увеличился из-за пакетов ещё более сложных космических вычислений, Линья ощутила, как её отрывают от инфомашины с физической встряской и обжигающим болезненным пламенем отключения. Она ударилась об пол в объятиях лейтенанта Рея, и почувствовала невообразимое головокружение.

Она обхватила руками голову, когда мощные волны вопящей боли пронзили череп, словно мгновенная мигрень. Ослепительный свет залил глаза, и отвратительная тошнота скрутила живот. Она слышала голос отца из эбенового черепа, который, мигая красной оптикой, завис прямо напротив лица, но не могла понять, что именно ей говорят.

Повсюду вокруг раздались крики.

- Госпожа Тихон, - произнёс Рей. - Прошу прощения, но с вами всё в порядке?

Она попыталась кивнуть, но перекатилась на бок и её вырвало.

Линья почувствовала, как что-то лязгающее и металлическое прошло мимо, и заставила себя принять вертикальное положение как раз в тот момент, когда Галатея подключилась к загрузочному разъёму.

Манекен с серебряными глазами повернулся, и посмотрел на упавшую Линью.

- Один разум не может обработать столько данных, - сказала Галатея. - Только мы можем сделать это.

Резкая боль в голове частично прошла, и Линья встала на дрожащих ногах, чувствуя необъяснимую потребность остановить занявшую её место машину. Лейтенант Рей помог ей, и Линья схватилась за него, чтобы не упасть.

- Что происходит? - спросила она, стараясь вернуть самообладание и внутреннее равновесие.

- Не знаю, мисс, - ответил Рей, поворачивая лязган из стороны в сторону, и в этот момент боевые крики кадианцев заполнили мостик, а охранные роботы поднялись в нишах. Линья увидела, что их грудные клетки засветились странным зелёным светом, а системы оружия запускались одна за другой.

Выстрелы и крики заполнили мостик.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/658079>